

1.8 О любовании соцветием смыслов слова «образ». Непробудному образу.

О флексирующих огласовках - смысловых оттенках, наполнениях, обрамлениях корня: во-ображение, со-образование... Итак, образ Божий воспринимаем, как проявление Бога, как наш путь познания Бога непознаваемого... Бог – проявляет Себя в возможности познания, про-являет Себя, как Бог познаваемый, узнаваемый в приоткрывшемся, доступном для нас естестве. Непознаваемый по существу познаётся по благодати – так чеканно изрекают святые отцы. Познаваемый образ – и есть откровенная пред нами Божья благодать, - воспримем это так. Познание Бога вне образа, - допустимо ведь и таковое, - познание, сродное со-беседованию с Богом Моисея. Голос Бога из среды огня не имел никакого вида. Непосредственно голосом открывалось Моисею без-видное существо Бога. Ветхий завет свидетельствует и об общении исторического человека с видимым Богом. Путники – ангелы пред Авраамовой скинией – образ Троического Бога, воспринимаемого праотцом. С воплощением – к нам вникает во-человеченный Бог, живущий среди людей, и с Ним к нам входит осязаемая образность Богооткровения. Свет от Света – прочитываем в

Символе веры о Христе. Свет Отца и Свет Сына – уже ли разнятся Света меж собою? Да не будет такового нечестия в рассуждении об образе и в понимании. Попробуем уяснить это, как Свет образ – от Света не-из-образиможно. Свет неизобразимый, безвидный – являл Себя Моисею. Этот Свет из-ображается через Христа и Христом, Светом от Света. От-Свет Света - Христос, собственно Свет от Света. Чеканно точна Православная догматическая формула: Святой Дух – от Отца – через Сына, - Свет от Света – Христос. Свет Христов – просвещает всех. Во Свете Твоем, Христос, узрим Свет Отца и Духа. Свет Христов - как Свет Первообраза, как от-ображение нам Бога, от-ображение нам Первообраза, Который проявлен к нам через Свет Христа. Так - пробуем соотнести терминологию проявляющегося образа. Бог проявляет Себя в мир. Про-являет, не изменяя - умаляет Своё естество, умаляет его до восприимчивости тварной природой. Тварь, удалённая в следствии греха от Богообщения, выдворенная за Царские врата Рая, возвращается в со-общение со Творцом, видимое со-общение через откровение Богом Самого Себя. Может ли это откровение проистекать исключительно пред образом Божиим. От воспоминаний о беседе Моисея с Богом, гласящим от среды огня, – обратимся ко временам недавним, к знаменательной беседе батюшки Серафима с Мотовиловым. Как солнце – просияло лицо Серафимо, словно бы из среды огня – говорил старец своему «службе». Как Солнце – просиял лик Христа на горе Фавор. Как соотнести эти образные аналогии, как соотнести их иначе, чем чрез возведение к единому, общему для них, сиятельному, сверх-солнечному Первообразу, к Божественной природе, проявляющей Себя в свете.

Живописанный образ – не есть непременно и обязательное условие к тому, чтобы на нём проявил Себя Святой Дух. Дух дышит где хочет, и мы не сможем понуждать Его к дыханию, дуновению к нам, даже написав, из-образив великолепный технически, выверенный намоленной традицией образ. Даже несомненно о-духотворённый изограф, в духообразованных творениях – иконах никак не обяжет Духа Святаго – проявить Себя. Дух станет дышать настолько, насколько будет желать Сам. Не управляем Дух Божий нашей волей, нашим творческим проявлением, нашим человеческим оживотворением образа. Но не безответен Бог. Не без-участен к нашему деланию. Близ есть и откровенен на наше воздыхание, на наше прилежание к Нему, на наше упование, на прошения наши, на толкание в дверь затворённую. Веруем: отзовётся, - и отзывается Бог. Пусть, не видим сейчас мы света от икон, даже от икон где проявлял Себя Дух прежде. Уже ли недостойнству нашему рассчитывать на это равно-апостольское дарование свыше... и сверх наших сил - понести. Во свете - видимом – некая задача нашего перед иконами предстояния, вне упования на откровение нам Невидимого, нетварного света. Более того, сами помышления о том, что мы сейчас, вот здесь – сможем лицезреть некие Божественные проявления – гордынны, соблазнительны, близки к оккультным, сродни помыслам о приневоливании Бога, о подчинении Творца пожеланиям твари. Сами помыслы эти – о приневоливании Бога, об исключение понятия свободной милости Божьего благо-деяния к нам там и когда пожелает – Бог... вытерпит нас – Бог. Бог не принуждаем, не исповедим пред нами. Не может быть Бог использован нами по нашему усмотрению о Нём, даже если это наше усмотрение проявляется в некоем духовном движении к Богу – в подвиге к Нему. Совершая подвиг, мы не в праве рассчитывать на безусловное отворение перед нами дверей Боговедения, веруя, надеясь, уповая по слову Христову. Толкая в дверь, требуя и понуждая Хозяина к ответу нам, к отзывчивости, мы не можем заставить и понуждая понудить, приневолить Бога – отворить нам, выйти и исполнить наше пожелание. Просьба не может

стать ни императивом, ни насилием над Богом. Всяческое насилие, даже помысел о личных заслугах, требующих возмещения и наград – будет поруганием Бога, каковое не осуществимо над Ним. Оккультным извращением, насилием над Творцом было бы усиленное ожидание проявления милости Божьей от рукотворного человеком или чудесно Богозданного образа. И, вместе с тем, даже при некоторой благовидной осторожности – оскотлением образотворчества от его деятельных плодов было бы ограничение образа задачами сугубо научительными, дидактическими, нравоучительными, декоративными... Глубоко нечестив сам по себе мотив и недостойна область применения образа, если ей отводится сугубо организационное назначение, душевная, эстетическая оформительско Богослужебная задача, со-путствующие литургическому деланию... Образ рукотворный больше и куда значимей всех этих видимо стоящих перед ним пред-назначений, утилитарных задач. Глубина понимания термина «почитания» Первообраза, «поклонения» Первообразу перед образом далеко пре-восходит внешние проявления этого почитания и поклонения, превосходит внешние формы крестного знамения, поцелуя, поклона, прочитываемой молитвы... Почитание есть внутренняя сущностная устремлённость твари к Творцу. Устремлённость не под широчайшим рас-сеивающим, пре-восходящим нас небом, но пред сконцентрированной точкой во-ображения. Для нас эта точка нашего приложения... Беспределен Бог, безграничен, не вложен в некую форму. Форма для Бога – это всегда Само-умаление, кеносис, человеколюбивое снисхождение к нам, не способным вместить Бога объять, Неба. Не вмещает человек Неба и самой ничтожной малости – не вмещает. Не вдохнуть, не раствориться в Нём, не предстать пред Ним, все-объемлющим и вмещающим нас. Ограничивает Себя Бог – человеческой природой, о-граничивает Себя изобразимостью её. Внутри этой изобразимости – свет, не явный нам, но про-являющийся перед нами по неприступному, не пред-виденному нами желанию Бога – в пре-ображённом лице Спасителя... Про-являющийся в пре-ображённом лице преподобного Серафима... про-являющемся... Как Солнце? А есть ли у нас иные слова к этому про-явлению... Конечно же, ярче Солнца, светлее снега, - о про-явлениях совершенно иной природы – речь. Свет – от Света. Есть Бог Истинный, - Аз есмь Путь, Истина и Жизнь, – от Бога Истинного. Видевший Меня – видел Отца... но блаженны не видевшие и уверовавшие, раскрывшие в себе милостью Божьей устремление к Творцу, Перво-образу своей тварности.

Со-чувствие туч. Со-звучье дождя. Со-цветия крон...
В моей немоте клокочущий – плач не выльется снова.
Кромешник – ноябрь ярит за углом, под смерть стилизован:
Вкуси перегнутой опавшей листвы под хохот ворон!
Куда ни взгляни – лишь ветер и стынь, - где свет у сторон?
Там – верх или низ, где в луже – фонарь у Блока срисован.
Где мой перво-цвет. Уже ли я – был Весной образован,
Подобен Весне, ноздрями – вдыхал Завет и Закон.

И заповедь: жить, воз-делав плоды, умножив дары...
Над небом - воспеть прозрачную глубь, про-образ терпенья.
Себя об-разить, об-резывать грех, как чуждую плоть,
Как дикий нарост на сердце своём. Приблизив миры,
Пред-стать образам, в пустоты свои принять вдохновенье...
Как солнечный луч, в бездонницы глаз – глядит Ся Господь.